

*А.И. ПЕРШИЦ,
Я.С. СМИРНОВА*

Юридический плюрализм народов Северного Кавказа

Существует несколько видов юридического плюрализма, которые с известной долей условности могут быть обозначены как этнический, конфессиональный, региональный и политический. Этнический плюрализм, как правило, восходит к особенностям обычного права древних и средневековых племен, а в остатках - и современных народов. Конфессиональный полиюридизм лежит на поверхности: приверженцы разных религий, даже если они принадлежат к одному народу, зачастую придерживаются разных легализованных религиозных канонов. Региональный полиюридизм обычно связан с исторически возникшим административным делением; его наиболее известные примеры - заметное несовпадение местных и федеральных юридических норм в ФРГ и США либо в разных землях и штатах этих стран. И наконец, политический полиюридизм чаще всего связан с завоеваниями, ведущими к более или менее длительному сосуществованию правовых систем победителей и побежденных. Список этот едва ли исчерпывающ: существуют, например, и такие виды полиюридизма, которые связаны с рецепцией права, усвоенного одними и не усвоенного другими слоями населения.

Бывает, что все или по крайней мере многие из этих видов полиюридизма сосуществуют. Именно такую ситуацию мы находим в правовом пространстве Северного Кавказа за последние полтора-два столетия, а частично и дольше.

Этноюридический плюрализм существовал на Северном Кавказе на протяжении всего доступного исторической реконструкции времени и сохраняется до сих пор. У каждого коренного народа свои юридические обычаи - адаты, регулирующие кровную месть или заменяющие ее композиции, порядок примирения кровников; характер гостеприимства или изгнание из родных мест; почитание старших; вступление в брак и семейную жизнь; особенности судопроизводства и т.п. На этот этнический полиюридизм наложился полиюридизм конфессиональный, возникающий с проникновением в регион сначала христианства, которое сколько-нибудь заметно удержалось только у осетин, а затем ислама с его чрезвычайно цепким кодексом поведенческих, в том числе юридических, норм - шариатом. Не чужд оказался Северный Кавказ и региональному полиюридизму: адаты Большой и Малой Кабарды, Дигории и Тагаурии в Осетии, Равнинного и Нагорного Дагестана обладают своей спецификой. Но, пожалуй, ярче всего выражен в регионе политический полиюридизм, возникший с вхождением края в состав Российской Империи, а затем РСФСР и России.

Включение Северного Кавказа в состав Российской Империи происходило в несколько приемов (Кабарда, Осетия, Дагестан и т.д.), и каждый раз у народов края

Першиц *Абрам Исакович* - доктор исторических наук, профессор.
Смирнова *Ярослава Сергеевна* - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

происходили различные правовые преобразования. Однако только после завершения Кавказской войны эти преобразования как в части законодательства, так и в части судостроительства стали еще одним крупным фактором северокавказского полиюридизма. Наряду с двумя традиционными системами права - адатами и шариатом - стала действовать еще одна, европеизированная, правовая система.

Как же распределялись сферы их действия во времени, в пространстве, в различных областях правовой жизни?

До распространения имперского законодательства на Северном Кавказе соперничали главным образом адаты и шариат (хотя не обходилось без отдельных попыток правотворчества со стороны местных, преимущественно кабардинских и дагестанских, князей). Западная часть региона, где ислам не успел пустить глубоких корней, отдавала предпочтение адатам, восточная - шариату. Однако дело так обстояло только в первом приближении, так как в различных сферах права соотношение адатов и шариата было неодинаковым. Считается, что шариат жестче адатов, но это верно только применительно к уголовному праву. Здесь шариату свойственны поистине варварские санкции: отсечение руки за воровство, длительное заточение в яму за многие второстепенные проступки и т.д. Скорее всего это связано с тем, что в эпоху формирования шариата - раннеклассовое время - приходилось применять особо строгие меры для защиты собственности и обуздания своеволия личности. Так или иначе, но уголовная сфера шариата не привилась даже в таких издавна ислаимизированных регионах, как Дагестан [1].

В других областях правовой жизни шариат как упорядоченное раннегосударственное право нередко гуманнее, чем позднепервобытные патриархальные адаты. Это хорошо видно на примере норм, относящихся к кровной мести. Адаты допускали как саму кровную месть, так и замену ее композициями, причем резко дифференцированными в сословном отношении. Например, у кабардинцев вышестоящим не мстили, а взимаемая с них кровная пеня была настолько высока, что могла разорить большую родственную группу [2]. Шариат вообще порицает кровную месть, а установленные им композиции единообразны, хотя и достаточно высоки.

Историческая продвинутость шариата по сравнению с адатами видна на примере брачно-семейного нрава. По адатам браки должны были быть изогамны, т.е. равностатусны, шариат же, как и в случае с композициями, исходит из того, что все правоверные равны перед Богом. По адатам обязательным условием заключения брака является выкуп невесты у ее семьи (в литературе - калым), по шариату же этот выкуп (в литературе - кебин) передается не семье невесты, а ей самой как обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. ("И давайте женам их вено в дар" [Коран, 4, 3].) Эта норма шариата заимствована из древневосточных правовых кодексов [3] точно так же, как соответствующее предписание закавказского армяно-грузинского права рецептировано из византийского Свода законов императора Юстиниана I [4, 5]. На практике чаще всего действовал компромисс: часть выкупа принадлежала невесте, часть - ее родне, которая на эти деньги собирала приданое. Но и в таком виде предписание шариата было заметным шагом вперед по сравнению с общеправовой нормой неприкрытой продажи невесты. К тому же стало распространяться убеждение, что калым является чем-то вроде эквивалента приданого. В 1870 году одна из жительниц селения Нальчикское жаловалась в суд: "Отец мой Палуан Карданов выдал меня замуж за настоящего мужа моего Уважуко Батова, от которого и требует за меня калым в 100 руб., но я не желаю отдавать ему такого, так как он... не справлял никакой одежды" [6].

Калымный брак по адатам вел к брачному принуждению, преднатальному, т.е. еще не родившихся детей, сговору, сговору в колыбели или несовершеннолетних, обмена девушками-невестами и древним обычаем левирата и сосорота, имеющим целью сохранить в семье однажды выплаченный калым. Был он и одной из причин похищения невест, так как в этом случае приходилось снижать плату за "опозоренную" девушку, а родственники во избежание кровной мести помогали семье жениха

собрать калым [7]. Кебинный брак по шариату также знал большинство этих обычаев, но в более стертном и завуалированном виде, а умыкание невест шариатом было прямо запрещено. Кодекс такого ревнителя шариата, как Шамиль, прямо предписывал, чтобы муллам, оформлявшим браки - похищения, зашивали рот.

Адаты грубо ущемляли права замужней женщины, лишая ее доли в общесемейной собственности; шариат ей право на такую долю давал, хотя и в более урезанном, чем для мужчин, виде. Развод по инициативе женщины адатами, по крайней мере у части народов региона, не допускался (например, у ингушей), шариатом же допускался, хотя и был затруднительнее, чем для мужчин. Другие личные права женщины также были для своего времени гуманнее. По адатам прелюбодейку-жену разрешалось не только убить, но и и искалечить (хотя это могло повести к кровной мести со стороны ее родни), по шариату она предавалась суду общества, которое, впрочем, также могло лишить ее жизни. Сходным образом обстояло дело с другими домочадцами. По адатам домовладыке разрешалось их убить или продать в рабство, по шариату - только лишить наследства.

Единственное, в чем шариат усилил подчиненность горянки, - ужесточение ее сегрегации и отчасти скрывания. Женщина лишилась права входить на мужскую половину дома, посторонний мужчина - на женскую. Покрывал крестьянки не носили (это было принято только в крупных и издавна исламизированных городах Дагестана), но они должны были обязательно закрывать волосы платком, а при старших или посторонних мужчинах прикрывать концом платка нижнюю часть лица. Вот характерный пример: в начале нашего века народный кадий Нальчикского округа провел на сходе крестьянских представителей постановление о "воспрещении всем от 10-летнего возраста женщинам появляться на улице, а также на танцах с обнаженными головами, т.е. без платков, а также воспрещении девицам во время танцев брать мужчин за ладонь рук" [8]. Все это показывает, что исследователи, долгое время доказывавшие, что именно шариат резко ухудшил положение некогда свободной горянки, во многом искажали факты.

Почему шариат способствовал сегрегации полов и скрыванию женщин - вопрос сложный. Решать его можно только на глобальном этнологическом материале и в рамках специального исследования. Вообще же, в северокавказских адатах и в шариате, в основу которого некогда легло арабское обычное право, много общего. Само слово *адат* - обычай - арабского происхождения, хотя большинство арабских народов в этом случае пользуются словом *урф*. Не всегда можно с уверенностью сказать, какие нормы кавказских адатов или шариата исторически более продвинуты, а какие нет. Это относится не только к общим для них ценностным категориям (почитание старших, гостеприимство, при определенных условиях - многоженство), но и к таким, казалось бы, однозначно отрицательным явлениям, как браки с несовершеннолетними (с нашей точки зрения) девушками. Шариат, возникнув в более жарком климате, допускал браки мужчин и женщин в возрасте соответственно 12 и 9 лет (при наличии признаков половой зрелости). На Северном Кавказе с его более умеренным климатом адаты скорректировали этот возраст до 15-16 и 12-14 лет (исключением были ставропольские ногойцы, у которых отмечены сверхранние браки девушек). Думается, и то, и другое применительно к определенной природной среде имеет свой резон.

Имперские власти легализовали обе системы традиционного права, за исключением, как уже упоминалось, уголовной сферы шариата. Из адатов было исключено сравнительно немногое: кровная месть и так называемое преступное укрывательство гостей, т.е. людей, нарушивших имперские законы и прибегнувших к защите гостеприимства [9].

Легализовано было и традиционное судоустройство - по адатам и по шариату. На этом надо остановиться подробнее.

Суд по адатам велся обычно в рамках крупных патрилинейных групп, возникающих в результате сегментации и почкования больших (реже малых) семей. В мировой этнологической литературе такие группы называют патрилинидами (от лат. *патер* -

отец, *линеа* - линия), в отечественной литературе за ними закрепилось введенное в 1930-х годах [10] название патронимия (от греч. *онома* - имя). Существенных причин в различении патрилиниджей и патронимии нет: скорее всего здесь пережиточное стремление хотя бы терминологически отгородиться от западной науки. Патрилиниджи существовали у всех народов Кавказа и не только у них, различаясь лишь количеством уровней патрилиниджной организации (обычно от 2 до 4-5). Они связывали своих членов воспоминаниями об общем памятном предке и культом этого предка, а на низовых уровнях также территориальной близостью семей, иногда остатками общей собственности (лесное урочище, покос, общая мельница и т.п.), материальной взаимопомощью, а там, где сохранялась кровная месть, и физической взаимозащитой. Патрилиниджи имели своего общепризнанного главу, устраивали свои собрания и. что особенно важно для нашей темы, свои родственные суды. Главой патрилиниджа обычно был старейший из дееспособных мужчин, патрилиниджные суды также, как правило, состояли из старцев ("почетных стариков").

Суд по шариату вершился кадиями, которые в своем большинстве тоже были престарелыми людьми и считались "почетными стариками". Поэтому (хотя и не только по этой причине) [11] у всех народов когда-то существовала геронтофилития - почитание стариков.

В то же время, даже если оставить в стороне уголовную сферу права, имперская администрация наряду с адатами и шариатом стала исподволь внедрять российское законодательство и судопроизводство, например в Кабарде и Осетии, путем создания смешанных судов из председателей - имперских чиновников, депутатов из числа патрилиниджных старейшин и духовных судей. Таковы были, в частности, горские словесные суды, окружные словесные суды и аульные суды (для рассмотрения второстепенных дел). В целом судебная реформа в регионе растянулась на несколько лет, и судебные постановления часто основывались на разного рода инструкциях и правилах. И все-таки: наряду с адатами и шариатом появился третий компонент - общеимперское законодательство и судопроизводство. Конечная цель нововведения состояла в том, чтобы со временем вытеснить местные адаты и шариат общероссийскими законами и подзаконными актами. Но делалось это не прямо, не в лоб. Пока в одних сферах права отдавалось предпочтение адатам (чаще в имущественном праве), в других - шариату (преимущественно в брачно-семейном праве), в иных - общеимперским законам (главным образом в уголовном праве) [12-15]. Если дело не касалось уголовно наказуемых деяний, то стороны были вправе, договорившись между собой, сами выбирать систему права, а то и судопроизводства. Это был разумный, рассчитанный на десятилетия реформистский курс преобразований.

Совсем другой курс преобразований был взят после Октября и установления на Северном Кавказе советской власти. Была проигнорирована общеизвестная культурологическая закономерность: нововведения прививаются только тогда, когда общество-реципиент готово к их восприятию (например, Турция 1920-х и Иран 1960-х годов). Между тем на Северном Кавказе уже в 1927 году были запрещены суды по шариату, годом-двумя позже - еще более древние патрилиниджные суды по адатам. Как известно, в 1920-е годы еще действовали не только принуждением, но и убеждением. О том, как разрушались религиозные традиции, хорошо известно. Что же касается борьбы с народными традициями, то на этом надо остановиться особо.

Власти старались создать видимость некоего передового общественного мнения, организуя "инициативу снизу" и используя средства массовой информации. Первое чаще всего делалось с помощью партийных и комсомольских ячеек, второе - руками боевитых публицистов, главным образом из местных.

Чтобы дезавуировать адатные патрилиниджные суды, надо было прежде всего дезавуировать сами патрилиниджи. В 1928 году в постановлении ЦК ВКП(б) "О работе парторганизаций нацобластей Северного Кавказа" обращалось внимание на связь между "влиянием кулачества" и "родовыми связями и традициями" [16]. С этого времени не только циркуляры местных партийных и советских органов, но и про-

токолы всевозможных собраний, северокавказская пресса и периодика буквально изобиловали выпадами против родственной солидарности. В Чечено-Ингушетии, где родственные связи были особенно тесны, даже было придумано особое словечко-клеймо - "тайповство" ("тайповщина"), образованное от названия патрилиниджа самого высокого уровня. На страницах журнала "Революция и горец" развивалась мысль, что родственные интересы несовместимы с партийно-государственными. «Для коммуниста, который еще связан пуповиной со своим родом (фамилией), кулак данного рода в определенных отношениях "свой". Поэтому часто сила родовых связей оказывается сильней классовых задач» [17]. Другой автор писал о кулацкой природе верхушки чеченских тайпов [18]. Особенно прославился на этом поприще караचाевский публицист И.А.-К. Хубиев, писавший под псевдонимом И. Карачайлы. В газетах "Советский Юг" и "Горская жизнь", в журналах "Революция и горец", "На подъеме", "Советский Северный Кавказ" и др. он неоднократно писал о губительности "родовых" связей между бедняком и "кулаком", партийцем и белым офицером, комсомольцем и "почетным стариком", о том, что круговая порука была полезна перед лицом царизма, но в условиях советской власти превратилась в свою противоположность [19, с. 139]. Здесь примечательны и откровенность, с которой говорится о нежелании партии терпеть рядом с собой неподконтрольные ей объединения, и наивно-циничный субъективизм в оценке одних и тех же явлений. Подобные наставления не остались втуне. Позднее тот же социальный заказ выполняли, например, М. Мамакаев в Чечено-Ингушетии и С. Кулов в Северной Осетии. Да и в последующие десятилетия в научной и пропагандистской литературе были нередки нападки на родственную солидарность у тех или иных народов Северного Кавказа.

Особый вред патрилинидской организации виделся в том, что при ней действовали суды "почетных стариков". Поэтому не меньше, если не больше, досталось тому, что стали называть другим новоявленным словечком-клеймом - "стариковство". Тот же И. Карачайлы объявил чуть ли не всех стариков классовыми врагами и осудил геронтофилию как таковую. «"Кулаку", - писал он, — легче эксплуатировать бедняка, потому что он не просто "кулак", а "почетный старик", "родовой авторитет". Почитают не стариков вообще, а только богатых и знатных стариков, об уважении к престарелым беднякам не может быть и речи... Отсюда следует, что обычной уважения к старикам направлен к сохранению и упрочению господствующего положения паразитических элементов» [19, с. 49, 53, 141]. Естественно, что больше всего доставалось старикам, судившим судом по адатам: их обвиняли в приверженности к старине и дурном влиянии на окружающих, в особенности на молодежь. Главы родственных объединений, члены советов старейшин и судьи-медиаторы - лишались права голоса, многие из них выслались. А с началом сталинского террора северокавказские старики зачастую стали просто уничтожаться физически. По свидетельству писателя Л. Разгона, на Кольме ему довелось видеть целые эшелоны дряхлых дагестанских старцев, отправленных в лагеря уничтожения, чтобы у себя на родине они не мешали строить "новую жизнь" [20]. Лишь позднее стали дифференцировать позитивную народную традицию уважения к старшим и слепое преклонение перед их авторитетом - своего рода культ старших [21, 22].

Таковыми же темпами искоренялись традиционные системы права. Уже на рубеже 1920-х годов власти Горской АССР опубликовали первые запретительные постановления против не только кровной мести, но и уплаты возмещения за кровь, а также целого ряда прежних брачно-семейных обычаев. Одновременно на национальные автономии Северного Кавказа распространялись соответствующие декреты и законы РСФСР, где в гл. X были сведены, унифицированы и снабжены санкциями все преступления, отнесенные к разряду "бытовых" (позднее - "составляющих пережитки родового быта", еще позднее - "составляющие остатки местных обычаев"). Одновременно в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была введена статья, разрешающая возбуждать по всему кругу бытовых преступлений публичное обвинение, независимое от жалобы пострадавших. Статья была прямо направлена против местной

юридической специфики, так как часто бывало, что потерпевшие под влиянием родни и соседей не решались прибегать к защите нового закона. Это рассматривалось как неуважение к традициям, к хранителям и ревнителям традиций - старшим, а со стороны женщин - и как неуважение к мужчинам [23-25].

Нормы УК РСФСР только в одном случае принципиальным образом не отличались от прежних имперских законов (кровная месть рассматривалась как умышленное убийство), однако и здесь общий подход был строже и далек от привычного населению полиюридизма: карались также уплата и получение композиций, а также уклонение от примирения. К насильственному похищению невесты, наказуемому и по адатам, и по шариату, и по законам империи, теперь приравнивалось принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование этому (лишение свободы на срок до двух лет). Совершенно новыми и необычными для местного правосознания были санкции за уплату и получение брачного выкупа (лишение свободы или принудительные работы сроком до одного года), многоженство (санкция та же) и брак с несовершеннолетними или малолетними (соответственно два года и восемь лет).

Неудивительно, что при предварительном обсуждении некоторых из этих норм на местах возникали неожиданные осложнения. Население, в том числе многие женщины, протестовали против отмены брачного выкупа, не без оснований считая, что это скажется на выдаче приданого [26, 27]. Раздавались голоса против преследования за многоженство, так как лишение свободы мужей отражалось на материальном положении жен и детей. Высказывались требования разграничить дневные и ночные похищения невест, так как днем обычно совершались настоящие насильственные похищения, ночью же - похищения с согласия девушек, выражавших таким образом свой протест против семейного деспотизма [27]. В 1923 году Съезд советов Ингушского округа разрешил сокращенный "условный" брачный выкуп в размере 200 руб. и двух комплектов одежды для невесты [28].

Жизнь показала, что правовой плюрализм нельзя ликвидировать сразу. Большинство норм гл. X УК РСФСР оказались скороспелыми и непродуманными. Несмотря на суровые приговоры, предписания адатов и шариата продолжали действовать. Брачный выкуп никогда не выходил из обычной, только был более скрытым во времена террора и более явным во времена относительной либерализации. Существовало множество способов его обойти: платить деньгами, а не скотом или продуктами, что было не так заметно; давать деньги якобы в долг и т.п. Обходили и нормы, направленные против многоженства: те, кто уже состоял в полигинных союзах, фиктивно расторгали один из браков; те, кто в них только вступал, обходились без легализации брака. Случалось, что, опасаясь соседей, жили с разными женами поочередно. Еще проще обстояло дело с женитьбой на девушках, не достигших минимального брачного возраста: браки до поры не регистрировали или регистрировали там, где этот возраст был ниже (Армения, Молдавия). Случаи настоящего насильственного похищения невест, как правило, скрывали от властей и решали путем консенсуса. Ведь похищенная, даже если она и не была изнасилована, считалась опозоренной, и ей было нелегко найти другого мужа. В тех случаях, когда дело доходило до суда и наказания, похищенная нередко дождалась похитителя, чтобы выйти за него замуж. Мало изменилась и ситуация с кровной мезтью: самого убийцу, как и до Октября, выдавали властям, но кровнические отношения между родней сохранялись, а в случае примирения придерживались древних ритуалов. Не принимая этого де-юре, но признавая де-факто, сами власти (например, в Чечне, Ингушетии, Осетии) в 1950-1960-х годах создавали из стариков примирительные комиссии.

Возможно, скрытой или полускрытой правовой жизни не было бы, если бы власти учли опыт юридического плюрализма, накопленный во многих странах мира. Известно, что в Японии с ведома судебных органов разрешается кровная месть. В США у части мормонов ("секта в секте") допускается многоженство. В Швейцарии собственник или владелец дома вправе устанавливать свои правила внутреннего распорядка, так как Гражданский кодекс этой страны признает институт домашней власти. Во Франции

мусульманские эмигранты (главным образом арабы) вступают в брак и разводятся по шариату, в чем педантичные правоведы видят не столько право, сколько "подправо" [29]. Так ли уж плох подобного рода выборочный полиюридизм, учитывающий в одних случаях народные или конфессиональные традиции, в других - региональную специфику или остатки прежних правовых систем?

С точки зрения этиологии права, здесь нет ни юридического криминала, ни нравственной всеядности. Надо лишь, оставив в стороне как культурный абсолютизм, так и культурный релятивизм, попытаться разграничить традиции вредные, нейтральные и полезные. Нелегализованная кровная месть как варварский самосуд или насильственное похищение невест как насилие над личностью недопустимы с точки зрения современной общечеловеческой морали, а стало быть, и права. (Заметим, что они были осуждены уже шариатом.) Закрывание женщиной лица (часто более или менее символическое) или разграничение жилого помещения на мужскую или женскую половины - ценности скорее нейтральные. А вот брачный выкуп, уравниваемый приданым, и допускаемое при определенных условиях (например, при нетрудоспособности или бездетности первой жены) и вошедшее в устоявшийся веками и тысячами народный менталитет двоеженство не лишены положительных черт.

Как бы ни относиться к народным и конфессиональным традициям, этическим ценностям и юридическим нормам, ясно, что многие десятилетия они у нас либо не учитывались, либо нивелировались. Юридический плюрализм не признавался в теории и был практически не известен в жизни. Стоит ли удивляться, что в последнее десятилетие, отмеченное разительной либерализацией общественно-политической жизни, а равно возрождением этнических и конфессиональных традиций, перегретый пар стал разрывать котел. Определенные аспекты Чеченской войны стали самым острым, но далеко не единственным проявлением конфликтной ситуации. Президент Ингушетии Р. Аушев настойчиво призывает к тому, чтобы наряду с федеральным действовало республиканское законодательство, учитывающее специфику местных обычаев. В частности, в Ингушетии возник вопрос о легализации кровной мести. В верховном законодательном органе Чечни уже в 1996 году был поставлен вопрос о легализации многоженства. Думается, то, что мы наблюдаем в современной Чечне и Ингушетии, не замкнется их пределами. Может быть, на очереди соседний Дагестан, где наиболее исламизированные народы (кумыки, аварцы, даргинцы и др.) тоже предъявляют определенные юридические требования. Проблема юридического плюрализма на пороге России. И независимо от того, какие официальные формы примет полиюридизм (соответствующие оговорки в федеральном законодательстве, параллельное действие федеральных и местных кодексов с правом сторон судиться по одному из них, "право" и "подправо"), нельзя отмахнуться от этой проблемы. Тем более, что при ее решении возникает множество других вопросов: о деликте, или тяжбе, о подсудности сторон, о соотношении подсудности и административной, этнической, конфессиональной принадлежности и т.д.

Как ни сложны эти проблемы, решение их не терпит отлагательства. Это один из факторов, которые в конечном счете определяют и сохранение Россией своей целостности, и дальнейшие пути развития ее мусульманских республик: в сторону европейской (евразийской) цивилизации или исламского фундаментализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - начале XX века. М., 1986.
2. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. XVIII - первая половина XIX века. М., 1967.
3. *Дьяконов ИМ.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. №4.
4. *Мхитар Гош.* Армянский судебник. Ч. 1. Ереван, 1954.
5. *Ткешелев М.* Исследования по грузинскому праву. Вып. 1. Семейное право. М., 1890.

6. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 (об.).
7. *Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е.* Семья и семейный быт. Ч. 1. Формирование, тип и структура. Серия "Народы Кавказа". Ун. 3. М., 1995.
8. ЦГА КБР. Ф. 159. Оп. 1. Д. 312. Л. 72, 3.
9. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII - первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
10. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М, 1961.
11. *Першиц Л.И., Смирнова Я.С.* Геронтоимия - почитание старших // Природа. 1986. № 5.
12. *Петров Л.* Обычное право и закон на Кавказе // Кубанские областные ведомости. 1901. № 1.
13. *Агишев Н.М., Бушен В.Д.* Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.
14. *Ренеке ИМ.* Горские и народные суды Кавказского Края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 21.
15. *Невская В.П.* Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1958.
16. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т. I. Ставрополь, 1967.
17. *Бутаев И.* О правовом уклоне на практике в нацобластях и борьбе с ним // Революция и горец. 1930. № 5.
18. *Авторханов А.* К вопросу изучения тайп, тукумов и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горец. 1930. № 5.
19. *Карачайлы И.* Статьи и очерки. Вопросы атеистической работы и борьбы с пережитками. Черкесск, 1984.
20. *Разгон Л.* Непридуманное. М., 1989.
21. *Чомаев К.И.* Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа // Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1971.
22. *Абдуллаев М.Г.* О характере и формах проявления некоторых этнических предрассудков в быту (на материалах Северного Кавказа) // Некоторые вопросы кавказоведения. Ставрополь, 1972.
23. ЦГАОР. Ф. 393. Оп. 78. Д. 103. Л. 127.
24. ЦГА СОР. Ф.Р. 1667 Оп. 1. Д. 326. Л. 6.
25. ЦГА ЧР. Ф.Р. 158. Оп. 1. Д. 570. Л. 104.
26. ЦГА КЧР. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 121. Л. 67.
27. ЦГА ЧР. Ф.Р. 158. Оп. 1. Д. 1158. Л. 45.
28. ЦГА СОР. Ф.Р. 41. Оп. 1. Д. 155. Л. 25(об.).
29. *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986.

© А. Першиц, Я. Смирнова, 1998